

УДК 82-3

ЧЕШСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ РОМАН ЛИБУШЕ МОНИКОВОЙ «DIE FASSADE»

А. Н. БОЛДЫРЕВА,

*магистрант кафедры славянской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, просп. Народного Ополчения, д. 171,
кв. 83, тел. 89111845646, e-mail: st057936@student.spbu.ru.*

АННОТАЦИЯ

Болдырева А. Н. Чешская идентичность и транснациональный роман Либуше Мониковой «Die Fassade».

Целью работы является исследование роли чешских вкраплений для формирования образа национальной идентичности в романе немецкоязычной чешской писательницы Либуше Мониковой «Фасад» с учетом разработанности в филологии вопроса о чешской идентичности. Для достижения цели исследования были проанализированы способы выражения национальной идентичности в тексте художественного произведения, а также выявлены и проанализированы иноязычные (чешские) вкрапления в немецком тексте романа. В ходе исследования было установлено, что Либуше Моникова широко использует иноязычные вкрапления в двух целях: раскрытие языковой личности персонажа и, в первую очередь, усиление чувства чешской

самобытности, отделение ее от общей мировой культуры с помощью культурных феноменов, наиболее близких Чехии.

Ключевые слова: *идентичность, национальная идентичность, чешская идентичность, транснациональный роман, иноязычные вкрапления.*

SUMMARY

Boldyreva A. N. Czech identity and the transnational novel «Facade» by Libushe Monikova.

The goal of this paper is to examine the role of Czech inserts in shaping the image of national identity in the novel «Facade» by Libushe Monikova. The paper takes into consideration the degree of development of the Czech identity issue in philology. To achieve the goal of the research the ways of national identity expression in the text of the fiction book were analysed, also foreign (Czech) inserts were found in the text of the novel in German and analysed. In the course of the research it was found that Libushe Monikova widely uses foreign inserts for two purposes: to discover linguistic persona of a character and — first of all — to strengthen the sense of Czech originality, to make it distinct from global culture by means of cultural phenomena that are particularly meaningful to the Czech Republic.

Keywords: *identity, national identity, Czech identity, transnational novel, foreign language inserts.*

Понятие «идентичность», имевшее вплоть до 1960-х гг. ограниченное употребление и обязанное своим широким распространением в междисциплинарном научном обороте трудам американского психолога Эрика Эриксона (1902—1994) [9], сегодня преимущественно употребляется как общенаучный термин, и каждая самостоятельная наука при изучении данной категории дает свое «изолированное» представление о предмете исследования, рассматривая его в особой плоскости.

В связи с этим широкое понятие идентичности распадается на более узкие и приобретает, в зависимости от

области научного знания, свои специфические черты. Так, в современной науке бытуют такие понятия как «национальная (или этническая) идентичность», «гражданская идентичность», «личностная идентичность», «профессиональная идентичность» и т.д.

Вследствие мощного процесса глобализации изучение национальной идентичности становится сегодня все более интенсивным, смешение культур приводит к стремлению выделить себя, собственный народ, из общей массы. Однако изучение проблем национальной идентичности связано не только с относительно современными, но и с историческими процессами, неизбежно повлиявшими на народное самосознание. Так, чешская национальная идентичность, долгое время подвергавшаяся влиянию со стороны других стран, требует особого внимания и изучения.

Целью данной статьи является выяснение способов проявления национальной идентичности в художественных произведениях, а также анализ роли иноязычных (чешских) вкраплений в формировании образа национальной идентичности в немецкоязычном романе чешской и немецкой писательницы Либуше Мониковой «Die Fassade».

1. Национальная идентичность. Национальная идентичность складывается из большого числа компонентов: мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и др.

Все эти элементы национальной идентичности человек впитывает в себя с самого детства. Это происходит в процессе воспитания, которое принято в данной культуре, и в ходе социализации в обществе. Все особенности национальной культуры, которые окружают человека, традиционные праздники, обычаи, особенности межличностной коммуникации, быт – всё это выстраивает национальную идентичность индивида.

2. Язык и идентичность. Однако идентифицировать себя не только как личность, но и как члена какого-либо социума можно только с помощью языка, который обеспечивает взаимопонимание в данном социуме. Кроме того, язык, тесно связанный с культурой, реагирует на все колебания в жизни общества и является красноречивым отражением национальной культуры.

Наибольшую популярность приобрели труды В. Гумбольдта (в первую очередь, «Язык и философия культуры»), в которых была сформулирована мысль о том, что язык есть само «бытие народа», «дух культуры» [2]. Так, в лингвистике конца XX в. стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений русских и зарубежных ученых: язык не только связан с культурой. Язык растёт из культуры, выражает её и в то же время является средством её создания, развития и сохранения.

Тот факт, что язык хранит в себе некую культурную память, является отражением культуры народа, его языковой картины мира, даёт нам право утверждать, что лингвокультурология предлагает весьма продуктивные методы и является весомой опорой для изучения национальной идентичности. Это подтверждается и появлением в современной науке такого термина как «лингвокультурная идентичность».

3. Идентичность и литература. Итак, идентичность может быть исследована через призму языка, а, значит, литература содержит в себе элементы идентичности. В работах М.К. Поповой [6] представлены аргументы, почему художественная литература является ценным источником для изучения национальной идентичности.

Во-первых, каждое литературное произведение является продуктом работы авторского сознания, которое помимо индивидуальных черт обладает чертами национальной идентичности. Художественное произведение всегда несет в себе отпечаток культуры автора, так как он всегда

является частью социума, этноса. Можно сказать, что элементы национальной культуры, наполняющие понятие идентичности, представлены в тексте через призму авторского сознания, отчего они приобретают некоторые специфические черты, но не теряют в целом своей объективности и значимости.

Во-вторых, многие писатели намеренно изображают эту проблему в своих произведениях и «предлагают различные модели межкультурной коммуникации». «Характер таких моделей, как правило, обусловлен идеями и представлениями той национальности или этнической группы, к которой принадлежит автор, его философской или мировоззренческой позицией» [6, с. 42].

В-третьих, национальная идентичность может выражаться через систему художественных средств, используемых автором [6].

Сегодня проблемы идентичности рассматриваются в ирландской (произведения Х. Гамильтона), американской (романы Ф.С. Фицджеральда, новеллы Дж. Гришэма, произведения Г. Штайн), латино-американской (период «нового латиноамериканского романа»: М.А. Астуриас, А. Карпентьер, Г. Гарсиа Маркес, Ж. Амаду, Х. Кортасар и др.) и в других литературах.

4. Гибридная идентичность в литературе. Отсюда возникают новые термины: гибридная идентичность, гибридность. Эти термины являются в современной науке сравнительно новыми понятиями. Их появление и распространение – закономерное следствие современных мировых процессов, и прежде всего, глобализации.

Одним из первых к феномену «гибридности», «гибридной идентичности» в культуре обратился американский ученый Эдвард Саид [7]. Чуть позже идею о гибридности подхватил индийский ученый Хоми Баба [11]. В своей работе он высказался о гибридности, как о закономерном явлении современного мира.

Исследования в области мультикультурализма доказывают, что «гибридная идентичность» – это не просто смешение двух или нескольких культур. Это всегда переосмысление культурных элементов и их взаимовлияние.

Это особенно ярко отражается в произведениях, которые включают в себя иноязычные языковые вкрапления. Термин «иноязычное вкрапление» был введен А.А. Леонтьевым и получил дальнейшую разработку в работе С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», где они определяют данное явление как «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учёности, иногда – оттенка комичности или иронии» [1, с. 262].

5. Транснациональные произведения. Произведения, написанные авторами с гибридной идентичностью, определяются в науке как «мультикультурные», «мультинациональные», «интеркультурные» и как «транснациональные». Это определение кажется нам более удачным, так как оно передаёт особую природу произведения: не просто смешение культур, а феномен переходности, взаимовлияния, зыбкости.

Именно такое определение использует в своей работе М. Ю. Котова, рассматривая типологию транснационального романа. В её докладе «О типологии транснационального романа славянских авторов» транснациональные романы подразделяются на типы в зависимости того, каким путем автор пришел в литературу. В результате: 1) вынужденной эмиграции (Д. Конрад, Ч. Милош, Й. Шкворецкий, Л. Мнячко, Й. Груша, М. Кундера), 2) добровольной экономической эмиграции (В. Каминер, К. Петровская), 3) как дети эмигрантов, не знавшие исторической родины (М. Левицкая, С. Левичаров)» [3]. И именно эти факты порождают различные типы транснациональных произведений.

В Германии проблемы транснациональной литературы также не обходятся стороной. Количество эмигрантов в страну породило немало исследований в области гибридной идентичности, более того, в немецком научном обществе некоторое время (в середине XX века) было широко распространено такое явление как «Gastarbeiterliteratur» – то есть литература, написанная рабочими из других стран про них же самих.

Сегодня проблемам гибридной идентичности посвящено немало работ, что легко обосновать актуальностью данной темы.

Исследования транснациональных романов приближают ученых к пониманию иной национальной идентичности, иного менталитета и иных культурных особенностей и становятся в последнее время всё интенсивней.

6. Чешская идентичность в литературе. Изучение чешской идентичности сквозь призму художественных произведений началось сравнительно недавно, однако проблема поиска чешской идентичности не нова и не покидала чешскую нацию в течение многих столетий. Это обуславливалось, в первую очередь, непростой исторической ситуацией Чехии, которая долгие века подвергалась культурному влиянию других стран: Германии и России, что отразилось в культуре Чехии, в том числе, в языке.

Исследователи чешской идентичности в области литературоведения и лингвокультурологии обращаются, в первую очередь, к чешским произведениям XIX–XX вв., что связано с завершением в середине XIX века процесса национального чешского возрождения. Основной задачей руководителей этого процесса было повышение чешского языка снова до уровня языка учёных и пробуждение в людях чешского национального сознания. Среди деятелей национального чешского возрождения наиболее известны Йозеф Добровский, Карел Гинек Маха, Божена Немцова,

Карел Яромир Эрбен, Ян Эвангелиста Пуркине, Франтишек Палацкий, Франтишек Ладислав Челаковский и др.

В СПбГУ исследования чешской идентичности проводились на материале произведений Й. Шкворецкого, К. Чапека и некоторых других чешских авторов. Коллективная монография «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей» А.Г. Бодровой, Е.Е. Бразговской, В.С. Князьковой, М.Ю. Котовой, О.В. Раина посвящена проблеме идентичности и процессу самоидентификации в произведениях таких авторов как Ч. Милош, И. Секулич, И. Цанкар и др. [7] Исследования, представленные в монографии, касаются феномена транснационального творчества, и подобные исследования продолжаются до сих пор. Среди современных работ, посвященных данной теме, можно назвать статьи М. Ю. Котовой «Специфика инокультурного кода в транснациональном романе (на материале прозы Марины Левицкой)» [4], А.В.-Русан «Английские вкрапления в романе Йозефа Шкворецкого “Ршнѳмћ ићненѳра лiдskѳch дiљн”» [6] и др.

Произведения М. Кундеры в аспекте чешской идентичности стали объектом анализа Е.Е. Стефанского. Ученый выявлял и анализировал различные концепты чешской культуры: напр, «Intost», «zбљќ», «stesk» [9] и другие.

Среди выдающихся зарубежных работ, посвященных проблеме чешской идентичности, стоит назвать монографию «Also:Nazdar!» П. Мареша [12], работу Р. Пинсента «*Questions of Identity: Czech and Slovak Ideas of Nationality and Personality*» [13] и др.

7. Роман Либуше Мониковой «Die Fassade». Как можно заметить, исследования чешской идентичности проводятся сегодня и на материале транснациональных произведений. К таким произведениям относится роман Либуше Мониковой «Die Fassade». Он повествует о жизни чешских друзей-реставраторов, работающих над восстановлением

фасада старинного замка в Чехии (Фридлант), и представляет собой «реставрацию» истории: всемирной, немецкой, чешской, русской и отчасти других. Обилие в романе реалий, цитат, упоминаний других культур является, поэтому, вполне закономерным.

Чешские вкрапления используются автором, прежде всего, для обозначения чешских реалий, элементов чешской культуры, а также для транслитерации русской речи и цитат.

Реалии и элементы культуры, переданные по-чешски, можно разделить на два типа:

- 1) Переводимые или переведенные ранее на немецкий язык, но написанные автором на чешском языке;
- 2) Непереводимые или непереведенные на немецкий язык реалии и элементы культурной и общественной жизни.

К первому типу мы отнесем художественные произведения, упоминающиеся в романе и созданные чешскими авторами. Здесь в романе Либуше Мониковой мы находим противоречия. Названия некоторых чешских произведений переданы согласно традиции немецкого языка (например, произведение Дворжака «*Neuer Welt*», трактат одной из первых чешских поэтесс, активистки национального чешского движения Rettigovb «*Ratschldge für die junge Hausfrau, wie sie ans Werk gehen solle, um die eigene und des Gatten Zufriedenheit zu erlangen*» и др). Некоторые же являются полноценным вкраплением из чешского: например, рассказ «*Die Babiuka*» Б. Немцовой или ария «*Prou bychom se netmъili*» Б. Сметаны из оперы «Проданная невеста»

Возникает закономерный вопрос: почему автор использует разные варианты написания в этих случаях? В том время как имя Реттиговой вряд ли широко известно во всем мире, имена Дворжака, Сметаны, Немцовой весьма популярны и, по крайней мере, названия их произведений, были переведены на европейские языки.

Возможно, с помощью чешской транслитерации Либуше Моникова указывает на те культурные памятники, которые наиболее близки чешскому народу, на которых строится их культурная самобытность. Либуше Моникова намеренно старается выделить такие произведения, как бы отделить их от общемировой культуры, чтобы указать на их особую значимость.

К этому же типу относятся некоторые географические названия Чехии, у которых имеются точные параллели в немецком языке: *Litomyšl* (нем. Leitomischl), *Der Vyšehrad* (нем. Wyschehrad, или Prager Hochburg), *Nežárka* (нем. Naser). Интересно использование наименований районов Праги в романе: *Die Südstadt, Nordstadt. Hostivaø* (нем. Hostivar), *Prosek* (нем. Prosssek). Как видим, первые два наименования переведены на немецкий язык, другие два оставлены без перевода и указаны в их чешском написании, что также говорит о важности этих мест для носителя чешской культуры, особенно для пражца.

Возможно, история указанных районов играет определяющую роль в выборе способа написания их названий. Район «Южный город» - это относительно новый район в Праге, большой жилой комплекс, чье строительство началось лишь в 1971 году. Чешский вариант наименования - Jižní Místo. Это название прочно вошло в лексикон пражцев, о чем говорит наличие укороченных, разговорных вариантов названия района: Jižňak и некоторые другие. Однако автор всё же оставляет в тексте немецкий вариант написания. В то же время район Hostivaš имеет намного более длинную историю. Название этого района впервые упоминается в 1058 году: в то время Hostivar был небольшой деревней под Прагой. В будущем название было переведено на немецкий и английский языки (*Gästekoch und Guestcook*), а деревня была присоединена к Праге в качестве одного из районов лишь в 1922 году.

Как видим, исторические корни района Hostivash уходят вглубь веков. История этой деревни связана с историей Праги, их связи укреплялись с течением времени. В то же время история нового района «Южный город» только начинается, и автор не воспринимает его как важное для Праги в историческом и культурном смысле место культурной памяти.

Нами был найден еще один интересный пример, относящийся к первому типу. Это использование слово «nanuk» без перевода на немецкий язык, хотя данный предмет не является реалией и, можно сказать, интеркультурен. «Nanuk» переводится с чешского как «эскимо», однако Либуше Моникова оставляет чешский вариант этого слова.

Ко второму типу мы отнесем используемые в романе имена, важные для чешского народа, такие как: *Yaroslav Hašek, Janáček, Rettingová, Jan Žižka, Svatopluk Èech, Alois Jirásek, Božena Němcová, Bedřich Smetana, Yan Evangelista Purkyně, Brouček, Sládek, Komenský, Æapek* и другие. В немецком языке согласно его правилам имена и фамилии передаются часто через исходную языковую систему, потому использование чешского языка, скорее всего, не является в данном случае маркированным. Однако учитывая особенности романа Л. Мониковой, возникает проблема перевода на другие языки, в первую очередь, кириллические. Хотела ли Либуше Моникова как-то выделить их имена или же это просто следование правилам немецкого языка? Сложно сказать.

Некоторые имена, использованные в романе, имеют свой переводной вариант в немецком языке: например, имя чешской мудрой правительницы из легенд – *Libuše* (нем. *Libussa* или *Libuscha*) – согласно «Чешской хронике» Козьмы Пражского, одной из трех дочерей чешского князя Крока, а после его смерти – мудрой княгини, предсказавшей строительство Праги. Однако несмотря на наличие не-

мецкого варианта написания её имени, в романе оно фигурирует в чешском варианте. В этом случае использование чешского варианта, скорее всего, говорит о глубокой связи чешского народа с этой легендой. Либуше Моникова намеренно выбирает данный вариант написания, чтобы подчеркнуть принадлежность этого мифологического персонажа к чешской культуре.

Образ Либуше встречается во многих произведениях искусства – не только чешских, но и немецких и др.

- Clemens Brentano: «Die Gründung Prags», драма (1812);
- Joseph Carl Bernard (1781–1850): «Libussa», романтическая опера в трех актах (1822);
- Franz Grillparzer: «Libussa», трагедия (1848);
- Bedřich Smetana: «Libusa», опера (1881);
- Milolj Urban: «Pole a palisbda», роман (2006);
- Tereza Vanek «Die Trdume der Libussa», исторический роман (2008);
- Стихотворение «Vielgeliebte Libuše», автор Gynter Grass (2015).

Встречаются в романе и истинные реалии чешской культуры: *Laskonka* (чешское пирожное), *Polbrka* (марка мороженого в Чехии) и некоторые другие. Их употребление в речи героев усиливает колорит чешской культуры и её самобытность.

8. Вывод. Таким образом, чешские вкрапления играют роль усиления чувства чешской самобытности, с их помощью ярче подчеркиваются те элементы культуры, которые являются наиболее важными для чеха. Для большего выделения таких культурных реалий Либуше Моникова использует в тексте названия чешских произведений, переведенные на немецкий язык. Этот прием делает возможным выделить на фоне других особенно важные для чешской культуры элементы. Кроме того, чешские вкрапления имеют значение для раскрытия языковых личностей главных героев: Либуше Моникова намеренно использует в раз-

мышлениях, во внутренних монологах персонажей иноязычные вкрапления, чтобы с помощью того или иного способа транслитерации показать его отношение к этому предмету.

Дальнейшее исследование данного романа с точки зрения упомянутых в нём местх культурной памяти, а также анализ его перевода на чешский язык поможет углубить и расширить понимание чешской идентичности.

Список использованных источников

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: 2009. 360 с.

2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс. 1985. 448 с.

3. Котова М.Ю. О типологии транснационального романа славянских авторов // XLV Международная филологическая конференция. Тезисы докладов. СПб., 2016.

4. Котова М.Ю. Специфика инокультурного кода в транснациональном романе (на материале прозы Марины Левицкой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11. Ч. 2. С. 106—108.

5. Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 43—48.

6. Русан А.В. Английские вкрапления в романе Йозефа Шкворецкого (Ршнбмh иñенэга lidскэч дилън) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7. Ч. 1. С. 128—130.

7. Саид Э. Ориентализм / Эдвард Саид; перевод с англ. А. В. Говорунов. СПб., 2006. 638 с.

8. Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Бодрова А.Г., Бразговская Е.Е., Князькова В.С., Котова М.Ю. и др.; отв. редактор М.Ю. Котова. СПб., 2014. 142 с.

9. Стефанский Е.Е. «ZAST» как ключевой концепт чешского этномира в романе М. Кундеры «Шутка» // Дрогобич: Посвіт, 2013.

10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

11. Bhabha, H.K. The Location of Culture / H.K Bhabha. N.Y.: Routledge Classics, 2004. 408 p.

12. Магель Р. «Also: Nazdar!» Aspekty textové vícejazyčnosti. Praha: Karolinum, 2003. 233 s.

13. Robert B. Pynsent. Questions of Identity: Czech and Slovak Ideas of Nationality and Personality. New York: Oxford University Press, 1994. 244 p.